
Де Валери
Я помню тебя иначе

Валентина Де Валери

Я помню тебя иначе

«Автор»
2026

Де Валери В.

Я помню тебя иначе / В. Де Валери — «Автор», 2026

Первая любовь редко бывает такой, какой мы её себе представляли.

Вейл Каменских никогда не могла понять, почему именно Александр Райс способен одним взглядом вывести её из равновесия. Она пытается держаться от него подальше, злится на его холодность и убеждает себя, что это всего лишь раздражение. Но однажды Вейл понимает: она влюбилась.

Теперь каждый его взгляд имеет для неё слишком большое значение. Одно слово способно подарить надежду, другое — заставить сомневаться в себе. А что происходит в сердце Александра, Вейл остаётся только гадать. Чтобы узнать правду, ей придётся пройти этот путь до конца — со всеми сомнениями, надеждами и переживаниями своей первой любви. Но чем закончится эта история? Станет ли первая любовь взаимной или останется лишь самым сильным воспоминанием её юности?

© Де Валери В., 2026
© Автор, 2026

Валентина Де Валери
Я помню тебя иначе

Я ПОМНЮ ТЕБЯ ИНАЧЕ

Де Валери

Литературный консультант

Сусорова Елена Геннадьевна

Учитель русского языка и литертуры

АННОТАЦИЯ

Первая любовь редко бывает такой, какой мы её себе представляли.

Вейл Каменских никогда не могла понять, почему именно Александр Райс способен одним взглядом вывести её из равновесия. Она пытается держаться от него подальше, злится на его холодность и убеждает себя, что это всего лишь раздражение.

Но однажды Вейл понимает: она влюбилась.

Теперь каждый его взгляд имеет для неё слишком большое значение. Одно слово способно подарить надежду, другое — заставить сомневаться в себе. А что происходит в сердце Александра, Вейл остаётся только гадать.

Чтобы узнать правду, ей придётся пройти этот путь до конца — со всеми сомнениями, надеждами и переживаниями своей первой любви.

Но чем закончится эта история? Станет ли первая любовь взаимной или останется лишь самым сильным воспоминанием её юности?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Алекс и Вейл 6
Глава вторая. Искра 12
Глава третья. Пламя 28
Глава четвёртая. Ожог 47
Глава пятая. Лёд 60
Глава шестая. Пепел 72
Глава седьмая. Свет 82
Эпилог 92

Некоторые слова опаздывают на годы
Но сердце всё это время помнит дорогу

Глава первая. Алекс и Вейл

Летнее утро медленно разливалось над озером мягким золотистым светом.

Вода ещё хранила прозрачную прохладу ночи и казалась такой спокойной, будто боялась потревожить собственное отражение. Солнечные блики скользили по её глади, рассыпаясь серебряными искрами и прячась среди лёгкой ряби. Небольшой деревянный пирс уходил далеко в озеро. Старые доски, нагретые солнцем, пахли древесной смолой и водой. У берега густо цвели луговые цветы, наполняя воздух сладким ароматом лета, а широкий старый дуб раскинул над пирсом ветви так щедро, словно много лет подряд оберегал это место от зноя времени.

По утрам здесь редко бывало тихо. С первыми лучами солнца к озеру сбегались дети. Мальчишки с шумом сталкивали лодки на воду, устраивали гонки и с разбега ныряли в озеро, поднимая фонтаны сверкающих брызг. Их смех разносился далеко вдоль берега и эхом терялся среди деревьев. Немного поодаль собирались девочки. Они раскладывали на траве кукол, плели венки из полевых цветов и вполголоса делились своими детскими секретами.

Но время от времени их взгляды всё равно ускользали к лодкам. Туда, где всегда находился Александр Райс. Высокий, статный, он ещё с подростковых лет невольно притягивал к себе внимание. Тёмные волнистые волосы постоянно падали ему на лоб, карие глаза смеялись даже тогда, когда он сам оставался серьёзным, а уверенность, с которой он держался, невольно заставляла окружающих тянуться к нему. Впрочем, сам Алекс этого будто не замечал. Или очень убедительно делал вид. В переводе его фамилия означала «ветвь». Возможно, именно поэтому в нём так естественно сочетались гибкость и внутренняя крепость — качества, которыми испокон веков славился род Райс, поколениями работавший с деревом и строивший лодки.

Среди девочек была и Вейл Каменских. Она жила совсем недалеко от озера, поэтому каждое лето проходило здесь — среди лодок, нагретых солнцем досок пирса, запаха воды и бесконечных детских игр.

Алекса она знала с самых ранних лет. Казалось, он был рядом всегда — столько, сколько она себя помнила. Именно поэтому Вейл никогда не разделяла всеобщего восхищения им. Он отличался непростым характером, незаметно выстраивая вокруг себя невидимую границу, не позволяя никому подходить слишком близко.

Но, и как любой мальчишка, обожал озорничать. Больше всего ему нравилось подплывать к берегу и окатывать девчонок холодными брызгами воды. И с едва заметной, довольной улыбкой наблюдал, как они с визгом разбегаются в стороны, искренне наслаждаясь удавшейся шалостью. Но по-настоящему никто не сердился. Все лишь смеялись вместе с ним. Только Вейл это веселье не разделяла. После очередной проделки в него летело всё, что попадалось под руку: ягоды, яблоки, помидоры, принесённые для пикника, а иногда даже куклы.

— Ну, Каменских, сейчас будешь купаться, — хитро прищурившись, мальчик приближался к берегу.

В мокрой рубашке, с прилипшими ко лбу тёмными волосами, он выглядел почти грозно. Подружки тут же подхватывали девочку за руки.

— Ты же плавать не умеешь! Скорее!

С визгом и смехом они убегали прочь, путаясь в длинных юбках. Алекс не бросался за ними следом. Остановившись у самой воды, он лишь провожал их спокойным взглядом. На губах всё ещё играла лукавая улыбка. Догонять никого и не собирался. Его забавляло уже

то, что стоило сделать несколько шагов вперёд – и девчонки поспешно разбегались в разные стороны.

* * *

Годы шли. Дети выросли и превратились в юношей и очаровательных девушек. Пикники сменились неспешными прогулками у озера.

На пирсе подруги по-прежнему собирались под тенью старого дуба — теперь уже не для игр, а чтобы посидеть вместе, поделиться секретами, тихими признаниями и украдкой понаблюдать за молодыми людьми. Те, в свою очередь, мало изменились в привычках: всё так же устраивали гонки на лодках, купались в озере и изредка, будто случайно, поглядывали в сторону берега.

Среди парней был Борис. Они с Алексом жили по соседству и всегда хорошо ладили, но были полной противоположностью друг друга. Там, где Александр казался недосягаемым — гордым, холодным, с той особой внешней уверенностью, на которую всегда обращают внимание, — Борис рядом с ним будто терялся. Он не стремился выделяться. Светлые чуть вьющиеся волосы падали на лоб, бледная кожа с лёгкими веснушками, спокойные голубые глаза — в нём не было демонстрации, только естественное присутствие. Девушки редко замечали его, да и сам юноша никогда не стремился оказаться в центре интереса. Но рядом с Вейл, которая принимала его легко, без осуждения и предвзятости, становился другим: исчезала привычная скованность, он мог быть самим собой и не чувствовал себя лишним. В её отношении не было ни превосходства, ни снисхождения — только спокойное доверие. Для девушки же Борис был тем, кем не мог стать никто другой. Лучшим другом. Она же для него стала той, с кем мир стал казаться светлее. Его взгляд невольно задерживался на её длинных вьющихся волосах, зелёных глазах и мягкой улыбке, которая каждый раз заставляла сердце биться чуть быстрее.

Летний день казался удивительно спокойным. На пирсе царило беззаботное оживление: кто-то смеялся, кто-то переговаривался, а озеро было почти неподвижным.

И вдруг по глади озера ударил мощный всплеск воды. Брызги разлетелись веером, заставив всех отшатнуться. Вейл досталось больше остальных — холодная вода ударила прямо в лицо, попала в нос и сбила дыхание. Девушка резко закашлялась, отступая назад и торопливо вытирая глаза ладонью.

Смех на пирсе оборвался.

В лодке стоял Алекс. Ухмыльнувшись, он снова ударил веслом по воде — брызги снова полетели к берегу. На несколько секунд воцарилась тишина. Вейл медленно подняла голову. Лицо вспыхнуло негодованием.

— Райс, ты, когда повзрослеешь? — резко бросила она. — Клоун!

Улыбка с лица юноши исчезла не сразу. Но взгляд потемнел.

Дерево глухо вздрогнуло от удара лодки. Он одним движением выскочил на пирс. Вода стекала с его рубашки, но он этого не замечал.

— Клоун… — тихо повторил он.

Борис шагнул вперёд:

— Алекс, да ладно тебе…

— Отойди, — коротко бросил Райс и подошёл к Вейл вплотную.

— Что ты сейчас сказала?

Но она не отступила. Только сильнее сжала губы.

— Что слышал.

На мгновение между ними повисло напряжение. Алекс резко выдохнул и, не говоря больше ни слова, шагнул ближе, подхватив девушку, закинул себе на плечо.

— Отпусти меня! — тут же забилась, барабаня кулаками по его спине. — Ты с ума сошёл?!

Не обращая внимания на крики, он, молча, сошёл в воду и сбросил её с плеча. Вейл ушла под воду с головой. На мгновение поверхность сомкнулась над ней, и всё вокруг стало глухим и вязким. Алекс замер рядом, ожидая, что сейчас она вынырнет — как всегда, с возмущением и криком.

Прошла секунда. Потом ещё одна.

Наконец из тёмной воды показалась её голова. Девушка судорожно вдохнула, и, почти не осознавая своих движений, обеими руками вцепилась в юношу. Каждый вдох давался ей с трудом, прерываясь хриплым кашлем.

Алекс резко подался вперёд, помогая ей удержаться на плаву.

— Эй… — коротко бросил он, уже без насмешки, но всё ещё спокойно.

Сжав пальцами мокрую ткань его рубашки и, задыхаясь, она выдавила:

— Я… не умею… плавать…

Голос сорвался. На секунду застыв, он машинально протянул руку, но Каменских резко оттолкнула её. И только тогда он понял, что это не игра. Лицо его изменилось мгновенно – слишком резко, чтобы кто-то успел это заметить.

Вейл же, судорожно вдохнув, шаг за шагом продвигалась к берегу, изо всех сил сдерживая подступающую панику. Она шла по скользкому дну, нащупывая опору под ногами. Каждый метр давался с трудом: тяжёлое от воды платье тянуло вниз и сковывало движения. Когда наконец добралась до пирса, подруги помогли выбраться на деревянный настил.

Девушка быстро направилась прочь, не оглядываясь. Но через несколько шагов всё же обернулась. И посмотрела на Алекса так, что тот впервые выглядел растерянным.

Юноша остался стоять в воде.

Глава вторая. Искра

Проходили день за днём, месяц за месяцем, год за годом. К своим семнадцати годам Вейл стала особенно восприимчива к историям о любви. Она могла часами пропадать в библиотеке родителей, с упоением перелистывая страницы старых романов, будто надеясь отыскать в них ответы на вопросы, которых ещё не умела сформулировать вслух.

Девушка становилась более мечтательной, всё чаще ускользая мыслями в мир собственных представлений о чувствах, случайных встречах, взглядах, способных изменить судьбу, и прогулках под луной, которыми были наполнены страницы любимых книг.

Но вся эта бережно выстроенная реальность неизменно рушилась при случайных встречах с Александром — на вечерах или редких прогулках у озера. Его недосягаемый, пристально оценивающий взгляд каждый раз будто возвращал её обратно, в настоящую жизнь, и в этом взгляде не было ни тепла, ни участия. «Вот уж точно не герой моих романов»: не раз отмечала про себя Вейл.

Алекс возмужал. С каждым годом внешность его не оставляла равнодушным никого. Она завораживала — в ней ощущалось нечто опасное, почти гипнотическое, перед чем было невозможно устоять. В резких, словно высеченных из камня чертах лица читалась холодная неприступность. За этой безупречной привлекательностью скрывалась такая отстранённость, что к ней становилось страшно даже прикоснуться. Но сильнее всего поражал взгляд. Карие глаза в полумраке казались почти чёрными, лишёнными привычного живого блеска, они словно проникали в самую глубину души. Девушки буквально сходили по нему с ума, искали любой повод оказаться рядом и ловили каждое его движение, готовые простить холодность и безразличие

ради одного случайного взгляда. Но он оставался прежним: не отталкивал никого, однако и не позволял переступить ту невидимую границу, которую годами выстраивал вокруг себя. Вейл невольно сочувствовала им, представляя их маленькими бабочками, которые упрямо летят на свет, обжигают крылья, но вновь и вновь возвращаются к нему.

Однако куда больше её стало тревожить совсем другое. Каждая случайная встреча с Райс теперь отзывалась внутри странным волнением. Стоило ему задержать на ней взгляд чуть дольше обычного, как сердце начинало сбиваться с привычного ритма. И чем чаще это происходило, тем стремительно рассыпалось её привычное спокойствие рядом с ним. И однажды с пугающей ясностью поняла: ей начинало не хватать этого ощущения. Не хватало того странного напряжения, которое возникало между ними всякий раз, когда их взгляды встречались.

А Борис в то время не скрывал своих чувств к Вейл. В них не было ни показной страсти, ни позёрства — только спокойное, устойчивое восхищение, ставшее для него почти естественным состоянием. Его притягивали сдержанность девушки, ясный взгляд и холодная красота, в которой не было желания нравиться. И именно это сильнее всего его привлекало.

Алекс давно обратил внимание на особое отношение друга к Вейл. Собственные же чувства к ней оставались для него непонятными. В отличие от остальных девушек, что сами искали его общества, Вейл держалась спокойно, сдержанно и будто совсем не замечала. Впрочем, сам Райс не придавал этому значения. В его представлении Вейл Каменских по-прежнему оставалась той самой упрямой девчонкой, пусть теперь и удивительно красивой. К женскому вниманию он давно привык и перестал видеть в нём что-то особенное.

Но всё вдруг начало меняться в один из дней — в тот самый миг, когда Борис наконец решился заговорить о своих чувствах. Мир вокруг словно замер в ожидании, а время замедлило свой ход. Юноша смотрел на Вейл и впервые думал не о том, что скажет, а о том, что после этого уже ничего не будет как прежде.

— Давно хотел тебе сказать…— начал он и на мгновение запнулся. Выдохнул. Сжал пальцы.

Девушка повернулась к нему спокойно, без напряжения, словно слушала обычный разговор.

— Кажется, я теряю голову рядом с тобой, — Борис невесело усмехнулся и посмотрел на неё.

Вейл молчала. И это молчание оказалось тяжелее любых слов.

В нескольких шагах от них скрипнули доски пирса. Алекс возвращался из лодочного сарая. Перед ужином отец попросил его проверить, надёжно ли закреплена семейная лодка после дневной прогулки и убраны ли вёсла под навес на случай вечернего дождя. Увидев силуэты, уже собирался пройти мимо, но последние слова Бориса услышал слишком отчётливо. Скулы Алекса едва заметно напряглись. Он замедлил шаг. Всего на мгновение. Сам не понимая зачем.

— Ты мне очень дорог, — наконец тихо сказала Вейл. — Очень...

Борис замер.

Алекс тоже. Что-то внутри неприятно сжалось. Резко. Без причины. Без права на эту реакцию. Райс нахмурился, словно пытаясь избавиться от внезапного раздражения. Не получилось. Развернувшись, он ушёл сразу, без паузы. Без жеста. Без слова.

Вейл обернулась — и увидела, как он исчезает в вечернем свете.

— Это же Алекс, — тихо сказал Борис.

И в этот момент девушку будто ударило. Имя прошло сквозь неё резко, почти болезненно. Она застыла. И слишком поздно поняла, что продолжает смотреть в пустоту.

Алекс, не оборачиваясь, уже шёл вдоль берега. Челюсть была напряжена. Он сам не понимал, что раздражает сильнее — Борис, втянутый в это нелепое увлечение, или то, что там

была Вейл. Провёл пальцами по перилам лодочного настила — коротко, почти резко, словно пытался сбить с себя это лишнее, чужое ощущение.

Не получилось.

* * *

Вечер следующего дня в доме Бориса был особенно многолюдным. По случаю именин собрались родные, близкие друзья семьи и знакомые — в основном молодые люди. Дом быстро наполнился разговорами, музыкой и лёгким праздничным шумом.

Среди приглашённых были Вейл и Александр. Их взгляды неизбежно пересекались. Во время праздничного ужина они сидели друг напротив друга. С этого момента девушка постоянно ощущала его присутствие — ровное, неизменное, будто он всё время оставался где-то рядом, даже когда она пыталась отвлечься.

Стоило поднять глаза, как взгляд Райс — прямой и тяжёлый, с холодной спокойной настойчивостью, от которой становилось неуютно, уже ждал её. С каждой минутой это внимание становилось всё ощутимее. И всё труднее — игнорировать его.

В какой-то момент Вейл тихо извинилась и поднялась из-за стола. Стул едва слышно скользнул по полу.

Она прошла через зал, стараясь не привлекать внимания, и вышла туда, где уже начинались танцы. Музыка здесь звучала иначе — ближе, мягче, с лёгким эхом, отражавшимся от высоких стен. Люди двигались парами, смеялись, кружились в тёплом свете люстр.

И вдруг девушка увидела его. Алекс стоял чуть в стороне. Как будто заранее знал, что девушка появится здесь. Заметив её, сделал шаг вперёд. Спокойно. Без спешки. Их разделяло всего несколько метров — расстояние, которое неожиданно стало слишком ощутимым и почти личным. И всё так же смотрел — ровно, тяжело, удерживая её внимание без единого слова.

Он остановился почти вплотную — так, будто этого столкновения уже невозможно было избежать.

— Какая вы вчера были… решительная, — произнёс Алекс с лёгкой, почти ленивой усмешкой.

Вейл на мгновение растерялась.

— Это вы мне?

Он едва заметно приподнял бровь.

— А здесь есть ещё кто-то?

И перевёл на неё взгляд — внимательный, слишком прямой. Если Алекс обращался на «вы» именно так — спокойно, подчёркнуто вежливо, то это будто специально напоминало о дистанции, которую рядом с ним не следовало забывать. И в этой холодной манере говорить было что-то раздражающе самоуверенное.

Короткая пауза.

— Интересно, — добавил он негромко, — и что именно он в вас нашёл.

И не спешил отводить взгляд. Наоборот — медленно, почти вызывающе рассматривал Вейл, будто действительно пытался найти ответ. Скользнул взглядом по её тонкой фигуре, задержался на длинных волнистых волосах, на слишком упрямом выражении лица.

Ещё пауза. Чуть дольше.

— Маленькая, значит… — он посмотрел чуть внимательнее. — Похоже, вкусы у Бориса совсем упростились. Слова прозвучали почти лениво. Но намеренно обидно.

Девушка вспыхнула. Пальцы сжались едва заметно, но уже через секунду она взяла себя в руки.

— С воспитанием у вас явные сложности, Александр, — ответила она ровно.

В её взгляде мелькнуло холодное пренебрежение.

Он усмехнулся — коротко, почти беззвучно.

— Возможно.

И не отвёл глаз.

Молчание между ними стало ощутимым.

— Меня сейчас волнует только одно…— произнесла она тише, подняв на него взгляд — прямо, без колебания, в эти невыносимо спокойные, холодно красивые глаза.

И в этот момент это произошло почти незаметно — не как решение, а как срыв контроля. «Вы» исчезло. Не подчёркнуто. Не намеренно. Просто в один миг дистанция между ними перестала существовать даже в словах.

— Я трачу на тебя своё время.

На долю секунды в его взгляде что-то дрогнуло — едва заметно, но достаточно, чтобы воздух между ними стал другим: более опасным, более живым. Усмешка исчезла.

— Вот как… Уже на «ты»? — произнёс Алекс и сделал шаг ближе, сокращая расстояние до опасного минимума. — Интересно, с Борисом ты так же быстро стираешь формальности?

Девушка едва заметно вздрогнула, но не отступила.

— Это тебя не касается, Райс.

Алекс небрежно преградил ей путь — близко и слишком уверенно, будто заранее знал, что она не сможет просто пройти мимо.

— Ух… ты переходишь всё дозволенное, Каменских, — произнёс он с ленивой усмешкой. — Воспитанная девочка, оказывается, умеет огрызаться.

Вейл уже сделала шаг в сторону, собираясь обойти его, но он перехватил её за запястье. Резко. Пальцы сжались чуть сильнее, чем следовало. Настолько, что это почти причиняло боль.

Она остановилась. Не сразу посмотрела на него — сначала только выпрямилась, будто собирая себя заново, возвращая контроль, который он так намеренно пытался выбить. И лишь потом подняла взгляд. В глазах — холод.

— Преподать бы тебе урок хороших манер, — добавил он тише.

Но хватка не ослабла. Наоборот — на мгновение стала ещё жёстче, будто он сам не заметил, как перешёл границу.

На запястье девушки, там, где пальцы Алекса сомкнулись слишком сильно, кожа заметно покраснела. Она вскрикнула от непривычной боли.

— Алекс… — голос прозвучал тише. — Я хочу уйти.

Пауза.

— Отпусти. Пожалуйста.

Последнее слово далось ей с усилием. И именно это его остановило. На долю секунды. Он словно сейчас осознал, как держит её. Рука дрогнула. Пальцы разжались почти сразу, но слишком резко — как будто он отдёрнул себя сам. И только тогда увидел — на запястье остался след от его хватки. Поняв, что причинил физическую боль, он попытался остановить Вейл — уже осторожнее, почти сдержанно, будто сам не до конца доверял своим движениям.

— Прости меня… — сбивчиво произнёс Алекс. — Я не понимаю, как это вышло…

Голос звучал непривычно.

Вейл уже едва сдерживала слёзы, но не позволяла им прорваться наружу. Не хотела его слышать. Не могла. Ей нужно было только одно — уйти. Быстро. Так, чтобы между ними не осталось даже воздуха.

И в этот момент что-то внутри Алекса дало сбой. Не чувство — понимание. Он смотрел на неё и не узнавал собственное действие. Не оправдывал. Не объяснял. А именно не узнавал. Словно это сделал не он — или он, но тот, кого в себе не рассчитывал обнаружить. И от этого стало по-настоящему неприятно — граница, которую юноша всегда считал неприкосновенной, оказалась сдвинутой его же рукой. Чувство вины пришло следом — тяжёлое, давящее, но уже вторичное. Он сделал шаг, будто пытаясь исправить не ситуацию, а самого себя в ней.

— Вейл…

—Райс, стой, где стоишь! — почти выкрикнула она.

Голос дрогнул от нахлынувших эмоций. В этом возгласе смешалось всё сразу: растерянность, обида и что-то ещё, чему сама не могла подобрать название. Развернувшись, она выбежала из зала. Дверь за ней хлопнула глухо. И только тогда Алекс будто вышел из оцепенения. Сначала медленно — будто не до конца осознавая, что делает. Потом резче. Остановился у стены. Та самая рука всё ещё помнила её запястье — слишком ясно, слишком точно. Он сжал пальцы.

И вдруг ударил.

Глухо. Коротко. Словно проверяя. Снова. Уже сильнее.

Боль отозвалась в кисти резко, почти отрезвляюще. Но этого оказалось недостаточно. Стиснув зубы, ударил ещё раз. Как будто пытался дотянуться до того ощущения, которое испытала она. Понять. Повторить. Наказать себя за это — или хотя бы не позволить себе забыть. Рука отозвалась тупой, нарастающей болью, но внутри стало только тише.

Не легче. Тише.

Он опёрся лбом о стену, тяжело выдохнул. И впервые не пытался объяснить себе происходящее. Потому что объяснения не было. Только факт: он перешёл границу.

С того дня Вейл сама не заметила, как начала сторониться Алекса. Не могла объяснить себе почему, но каждый раз при мысли о нём внутри что-то болезненно сжималось и хотелось плакать. И, если быть честной с собой, девушка его боялась. Её запястье ещё помнило жёсткое прикосновение — боль уже стихла, стала приглушённой, но не исчезла окончательно.

Борис был искренне озадачен её отказами от приглашений на вечера. Поначалу он не придавал этому особого значения, решив, что ей нездоровится и нужно время на восстановление. Но дни шли, и ничего не менялось. Девушка по-прежнему отказывалась от прогулок и встреч у озера.

Воскресным утром молодые люди вновь собрались на пирсе у озера — провести время вместе: прокатиться на лодках, покормить уток, обсудить последние новости.

Вейл и в этот раз отказалась выходить. Она знала: там будет Алекс. Борис пытался уговорить её — сначала мягко, почти шутя, затем всё настойчивее. Однако все его попытки оказались напрасны. В конце концов, ему пришлось отправиться к озеру одному.

Поначалу юноша держался по привычке немного в стороне, с той самой замкнутостью, которая у него всегда проявлялась, когда он не знал, куда себя деть. Рядом с ней это не мешало: он просто был собой — спокойным, тихим, без лишних слов. И этого было достаточно.

А сейчас… вокруг вдруг оказалось слишком много людей. Девушки легко втянули Бориса в разговор — его невозмутимость неожиданно оказалась любопытной. Юноша держался тихо, немного отстранённо — это и интриговало. Было в этом что-то забавное для них, почти как игра: расшевелить, заставить забыть о своей привычной сдержанности. Он не сопротивлялся и не подстраивался, просто отвечал так, как привык. И чем проще были его ответы, тем живее становилась реакция собеседниц. Не заметив сразу, оказался в центре игривого круговорота. Смех, лёгкие реплики — всё это постепенно превращалось в маленькое соревнование за его внимание. Постепенно Борис раскрепостился. Жесты стали шире, голос громче, в движениях появилась непривычная свобода. Со стороны это выглядело почти нелепо: обычно тихий, сдержанный юноша вдруг оказался в центре компании, где его перебивали, смеялись над его словами и снова втягивали в разговор. Но он этого почти не замечал. Ему было хорошо. Слишком хорошо, чтобы останавливаться и думать. И впервые за долгое время не нужно было прятаться в себе.

Где-то на краю мысли мелькнуло: жаль, что Вейл этого не видит. Она бы удивилась. И тут же коротко усмехнулся — в этот момент кто-то снова обратился к нему, возвращая обратно в шум компании, из которого уже не хотелось выпадать.

Алекс в тот день был непривычно тих. Почти не участвовал в разговорах, держался чуть в стороне от остальных и казался отстранённым от общего веселья.

Он невольно искал кого-то взглядом среди собравшихся у озера. Но очень скоро понял: Вейл и сегодня не появится. Юноша догадывался, почему она перестала появляться в обществе, и это тяготило его. Где-то глубоко внутри Алекс понимал, что тогда перешёл границу, позволил себе лишнее и оставил после себя не только обиду.

В какой-то момент он незаметно поднялся с места и покинул пирс. А спустя некоторое время уже направлялся к дому Каменских.

Тем временем Вейл сидела на скамье под раскидистым деревом боярышника, когда заметила, как к ней по тропинке идёт Мария, её няня с самого детства, которая давно стала частью семьи. Она видела первые шаги девочки, слышала первые слова, утешала первые слёзы и радовалась первым улыбкам — и любила как родную дочь.

— Душа моя… — голос Марии раздался уже совсем близко. — Там Александр Райс ждёт тебя.

Девушку будто оглушило. Внутри мгновенно отозвался только бешеный стук сердца.

— Нет… пожалуйста, Мария, — тихо выдохнула она, почти в панике. — Родная… прошу тебя, не говори ему, где я. Я не хочу никого видеть, — и сложила ладони в мольбе.

Мария растерянно посмотрела на неё, встревожившись.

— Что с тобой?

— Я не знаю…— едва слышно прошептала Вейл, закрывая лицо руками.

Судорожно вдохнув, прижала руки к груди.

— Но у меня так жжёт здесь… — голос её дрогнул. — Так больно, что иногда даже дышать трудно.

— Ты просто влюбилась, — произнесла няня, ласково погладив девушку по щеке. — И кто же этот счастливец?

— Если это и правда любовь… — тихо произнесла Вейл, опуская взгляд, — тогда это тот, кого я боюсь больше всего в жизни.

И замолчала на мгновение, будто сама испугалась собственных слов.

— Меня пугает его взгляд… — едва слышно продолжила она. — Он будто обжигает насквозь.

Пальцы её сильнее сжались на ткани платья.

— И его слова тоже пугают. Иногда после них внутри становится очень больно…

— Александр… — произнесла Мария.

Вейл тут же растерянно подняла глаза на няню.

— Откуда ты знаешь?..

— Александр идёт сюда, — взволнованно прошептала она.

Девушка испуганно замерла.

— Нет… — вскрикнула она и сразу закрыла лицо руками.

Он шёл по тропинке. Спокойно. Уверенно. Слишком точно, будто знал, где она будет.

— Здравствуй! — произнёс он.

Мария внимательно посмотрела на воспитанницу и невольно нахмурилась: девушка побледнела так резко, будто из неё в одно мгновение ушли все краски. Даже губы стали почти белыми. В глазах смешались растерянность, тревога и какой-то глубоко спрятанный испуг, который она безуспешно пыталась скрыть. Затем няня перевела взгляд на Александра. Молодой человек стоял спокойно, но в его спокойствии чувствовалась непривычная решимость. Он явно пришёл сюда не случайно и не для пустого разговора.

Мария тихо вздохнула.

— Вот оно что… — тихо произнесла она.

И вновь посмотрев на Вейл, осторожно коснулась её руки и мягко сказала:

— Я буду неподалёку.

После этого неспешно отошла в сторону, оставляя их наедине, но, не уходя далеко. На всякий случай.

Повисла тишина. Алекс не спешил начинать разговор. Он стоял чуть в стороне от скамьи, не приближаясь, словно оставляя пространство — и одновременно удерживая дистанцию, которая для него была привычнее любых объяснений.

— Ты избегаешь меня? — произнёс он, наконец.

Девушка сжала пальцы — несильно, почти незаметно.

— Это не так, — тихо ответила она.

Несколько секунд прошли в полном молчании.

Он ненадолго отвёл взгляд, не отстраняясь от неё полностью, словно пытаясь собраться мыслями.

— Я пришёл сюда только потому, что хотел сказать… Я виноват перед тобой. И понимаю, что ты меня избегаешь, — юноша посмотрел Вейл в глаза, и голос его стал тише, хотя твёрдости не утратил. — Не хотел причинить тебе боль.

Девушка несколько секунд просто смотрела на него, не отводя взгляда, потом коротко выдохнула, словно принимая решение не продолжать этот разговор глубже.

— Хорошо, Алекс. Я тебя простила.

Она уже сделала шаг в сторону дорожки, когда на мгновение остановилась.

— Теперь между нами нет недопонимания, — добавила она чуть тише. – Правда?

Алекс не ответил сразу.

Он смотрел на неё спокойно, почти неподвижно.

— Нет… — произнёс он тихо, и в его привычно холодном взгляде что-то едва заметно изменилось. Слово сорвалось прежде, чем он успел его удержать.

Вейл внимательно посмотрела на него. Её пальцы чуть сильнее сжали край платья, а сама она на мгновение прикрыла веки, чувствуя, как предательски сбивается дыхание.

Они замерли друг напротив друга. Их взгляды не разрывались, словно ни один из них не спешил нарушить повисшее между ними безмолвие.

Девушка медленно вдохнула, отвела взгляд и направилась к дому. Молча. Алекс остался стоять на месте и провожал её взглядом до тех пор, пока её фигура не скрылась за деревьями.

* * *

За недели разлуки с Вейл, жизнь Бориса незаметно изменилась. Вокруг него появился новый круг общения: девушки — ветреные, не обременённые заботами, для которых каждый вечер был лишь поводом для веселья, музыки и флирта. Но с её возвращением юноша почти сразу отстранился от прежней компании, сосредоточив всё внимание на ней. Такое равнодушие не осталось незамеченным и быстро вызвало недовольство его недавних поклонниц.

Он не отходил от Вейл ни на шаг, говорил много, порой слишком увлечённо, шептал о том, как рад видеть её рядом, как скучал и ждал возвращения. Девушка слушала невнимательно, глядя на гладь озера и солнечные блики, дрожащие на воде, а мысли её были где-то очень далеко.

Что происходит между ней и Алексом?

Что-то изменилось в нём: взгляд стал иным — спокойнее, собраннее, без прежней развязной резкости и холодной отстранённости. Он смотрел иначе — дольше, внимательнее, словно невольно удерживал внимание на одном человеке.

Иногда их взгляды неожиданно встречались, и в такие секунды казалось, что воздух становился тяжёлым. Словно между ними натягивалась невидимая, тревожная, почти осязаемая нить. Она невольно сжимала пальцы на бортике пирса, пытаясь вернуть ощущение устойчивости, и каждый раз убеждала себя, что это лишь лёгкое колыхание воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.